

К вопросу дефиниции субъективного вещного права

Г.Г. ХАРЧЕНКО

Рассматривается проблематика определения понятия «вещное право» в субъективном смысле. Автор раскрывает свое видение природы этого явления в гражданском праве, проводит критический анализ отдельных дефиниций правовой категории. По результатам проведенного исследования предложена авторская дефиниция субъективного вещного права.

Ключевые слова: вещные права, объект вещных прав, субъективное право, правоотношение.

The problems of the definition of "proprietary right" in the subjective sense are considered. The point of view on the nature of this legal phenomenon in civil law and critical analysis of the definitions of the term are given. The author's subjective definition of property law is presented according to the results of the study.

Keywords: property rights, object of property rights, right, legal relationship.

В юридической науке сломано уже немало копий в попытках дать универсальное определение понятию «субъективное вещное право». Так или иначе этого вопроса в своих исследованиях касались многие ученые-цивилисты (Ю. Гамбаров, Е. Васьковский, Д. Малиновский, Ю. Толстой и другие). Задача, честно говоря, сама по себе не из простых, ведь каждый, кто возьмется за ее решение, безусловно, сильно рискует. В сформулированной им дефиниции, как в зеркале, будет отражаться вся полнота его знаний об объекте.

Сложность заметно возрастает, когда речь заходит об общем определении родового понятия, каковым вещное право является по отношению к каждой его разновидности. Неудивительно, что в этой ситуации правоведы довольно сдержанно, а иногда и скептически, относятся к различного рода авторским интерпретациям вещного права, склоняясь скорее к поддержке определенного статуса-кво в правовой науке – когда общее представление о вещном праве через призму господства лица над объектом представляется якобы вполне достаточным для правильного понимания правовой природы этого явления. Как следствие, практической детализации этого понятия в достаточной степени не происходит. Во многих учебниках по гражданскому праву раздела об общих положениях о вещном праве вообще нет, а в тех пособиях, где тематика вещных прав освещается, о вещном праве часто упоминается лишь вскользь и в описательной форме, без «излишней» конкретизации. Те же незначительные, по сравнению с общим объемом освещения, попытки определения вещного права как правовой категории довольно часто сопровождаются авторской ссылкой на традиционность такого понимания или подкрепляются словами «принято понимать...» [1, с. 326].

Учитывая всю актуальность для цивилистики затронутого вопроса, и в частности в контексте систематики вещных прав в законодательстве, считаем целесообразным, через анализ правовой природы вещного права и его авторских дефиниций в правовой науке, осветить в настоящей статье своё видение существующей касательно этого вопроса проблематики и определить дефиницию правовой категории «вещное право» в субъективном смысле.

Следует заметить, что сегодня правовая наука, по сути, оказалась в ситуации, когда, с одной стороны, математически точное определение понятия вещного права кажется как будто невозможным, а с другой стороны, практическое измерение самого права предопределяет необходимость определения этой правовой категории в законодательстве. Сам процесс интерпретации, между тем, достаточно сложный, на что в свое время указывало немало правоведов, предостерегая от дефиниций в праве. Немецкий философ Г.В.Ф. Гегель, к примеру, вообще считал, что науке о позитивном праве не очень и надо задаваться вопросом поиска дефиниций, поскольку она преимущественно видит свою цель в том, что правомерно, т. е. каковы особые законодательные определения. Чем бессвязнее и самопротиворечивее определения права, тем менее возможны в нем дефиниции, поскольку последние должны содержать общие определения, а в общих определениях непосредственно обнаруживается противоречивое [2, с. 60].

Этот своеобразный замкнутый круг американский юрист Ф.С. Коген разорвал по своему. Правовые дефиниции, по его мнению, не следует оценивать как правильные или неправильные – они могут быть только полезными или бесполезными [3, с. 429]. Акцент на практичности права, кажется, является подходящим аргументом для преодоления консерватизма правовой мысли, зашоренной, во многом, традиционными догматическими представлениями. Практика, в конце концов, и является тем инструментом, который способен откорректировать любую смелую новаторскую идею, даже если она выходит за рамки устоявшегося понимания объекта.

Определение понятия вещного права в субъективном смысле обязательно требует соблюдения определенных требований. Достоверность выводов должна быть подтверждена применением правильных, методологически выверенных, установок. Дефиниции вещного права, во-первых, следует быть, по возможности, лаконичной. Такой подход оправдан, прежде всего, с точки зрения юридической техники, поскольку таким образом можно уберечься от чрезмерно большой порции потенциально возможных критических оценок в адрес сформулированного определения или, по крайней мере, дать для этого меньше объективных оснований. С другой стороны, благодаря такому подходу, можно избежать и иной опасности – чем более громоздким будет определение правовой категории, тем более вероятным будет её неоднообразное толкование и правоприменение. Как показывает практика, при такой дефиниции риск применения правовой категории в более широком смысле, чем он был заложен законодателем изначально, существенно возрастает. Как следствие, в практической деятельности часто приходится сталкиваться в подобных случаях с попытками искусственно привязать понятие к конкретной ситуации в более выгодной для кого-то интерпретации.

Второе требование заключается в том, что дефиниция вещного права должна быть ёмкой, т. е. широкой по своему содержанию. Будучи родовым понятием, правовая категория «вещное право» в своем определении должна включать в себя все возможные случаи проявления вещных прав на практике.

И, наконец, в-третьих, в дефиниции вещного права обязательно следует указать квалификационный критерий вещности субъективного гражданского права, чтобы с помощью последнего отделять вещные права от всех других, не вещных, прав.

Анализ авторских дефиниций вещного права позволяет сделать несколько аналитических выкладок касательно имеющих в этом вопросе спорных моментов. Так, при определении дефиниции вещного права в правовой науке обычно упоминаются два основных подхода. Первый рассматривает субъективное вещное право в контексте той правовой связи, что возникает между носителем права и его объектом. Второй, напротив, эту же правовую связь видит уже не в системе координат «субъект–объект», а как связь между носителем вещного права на объект и другими участниками гражданских правоотношений. Естественно, что в зависимости от того, к какой позиции из двух упомянутых выше, мы будем более склонны, во многом, будет зависеть и то содержание, которое может быть положено в дефиницию вещного права.

Ряд правоведов, не отрицая, в сущности, что вещные права как таковые возникают по отношению к определенным объектам, вместе с тем пытались сфокусировать внимание на социальном предназначении самого права, а потому и субъективное вещное право рассматривали, прежде всего, как отношения между лицами, а не лицом и вещью. Немецкий правовед С. Шлосман, к слову, считал, что «юридическое отношение лица к вещи невысказано» и «вещное право представляет собою воображаемый общий источник всех мыслимых возможными притязаний против третьих лиц относительно вещи» [4, с. 60]. В субъектно контексте рассматривал субъективное право и другой немецкий правовед Б. Виндшейд, определяя последнее как установленную юридическим порядком дозволенность воли. Реализацию содержания такой воли он видел в противопоставлении этой воли волям других лиц, находящихся по отношению к первой в подчиненном положении [5, с. 82]. Французский юрист М. Ортолан, в свою очередь, отмечал, что любое право не может существовать иначе как по отношению к лицам, хотя само право, продолжал он, и возникает относительно вещи [6, с. 89].

Изолированный человек, писал К. Маркс, подобно Робинзону живущему одиноко на острове, не является еще собственником, следовательно собственность – это не отношение человека к вещи, а общественное отношение людей [7, с. 23]. Если мы и можем говорить о праве Робинзона, продолжал аналогию Е. Трубецкой, то только в предположении какого-либо возможного ближнего, возможного общества других лиц, которые когда-либо нарушат его одиночество [8, с. 15].

Необходимость в нем как в правовом инструментарии возникает только в отношениях между лицами. Однако, нельзя забывать, что само право имеет, по крайней мере, двухуровневую систему – на первом уровне – общем – предметом правового регулирования права, включая гражданское, становятся определенные отношения между субъектами. Право здесь рассматриваем в объективном смысле. На низовом уровне – уровне субъективного вещного права – задача права как правового инструментария меняется: чтобы достичь общей цели правового регулирования – упорядочения общественных отношений, необходимо решить и другую, не менее важную задачу – придать этим отношениям статический характер.

Любые отношения между субъектами, как известно, так или иначе стремятся к какому-то конечному результату, достичь последнего невозможно без привязки объекта к лицу, именно с этой задачей и должно справиться субъективное вещное право. Для Робинзона, одиноко живущему на необитаемом острове, потребности в праве, будь-то в объективном или субъективном смысле, действительно, никакой нет. Однако, как только на острове появятся люди, первый вопрос который возникнет – кому и что принадлежит? А лишь потом – какие отношения между субъектами в этой связи возникают и как они будут регулироваться?

Субъективное право и правоотношение – это взаимосвязанные между собой понятия и правовые элементы. По отдельности они не могут существовать друг без друга. Для субъективного права правоотношения – это та правовая среда, в которой субъективное право может реализовываться и без которой его существование становится невозможным и теряет всякий практический смысл. С другой стороны, попробуйте убрать из правоотношения такой составной элемент его структуры как субъективное право, как это разрушит саму конструкцию правоотношения. Такая взаимообусловленность не предопределяет тождественность этих правовых понятий, оба порождены правом и каждое имеет свое самостоятельное предназначение. Если попытаться полностью встать на позицию субъектно-субъектного подхода при определении понятия субъективного права, т. е. видеть в субъективном праве отношения между лицами, то неизбежно встанем перед выбором – убрать из права правоотношения или субъективные права, ведь элементом правоотношений не могут быть те же самые отношения.

Любая правовая категория должна быть самодостаточной в своей дефиниции, а потому нежелательно определять одно понятие через другое, иначе вынуждены будем, как минимум, давать дополнительные пояснения к уже сформулированному определению. К примеру, Д. Малиновский, считает, что под субъективным вещным правом следует понимать элемент абсолютного правоотношения, материальным объектом которого является индивидуально-определенная материальная вещь [9, с. 12]. Представляется, что для родовой категории такая дефиниция по содержанию является узкой. Во-первых, привязка субъективного вещного права к абсолютному правоотношению, на самом деле, не столько подчеркивает абсолютный характер такого права, сколько отсекает возможность увидеть и признать возможность существования вещных прав в относительных правоотношениях, скажем право пользования арендатора по отношению к праву собственности собственника. Последние, относительные правоотношения, не будут влиять на абсолютную природу вещных прав, поэтому привязка абсолютной природы вещных прав только лишь к абсолютным правоотношениям, на наш взгляд, некорректна. Если, к примеру, в рамках договорных правоотношений лицо приобретает право собственности на вещь с момента заключения самого договора, а передача вещи новому собственнику по обязательству оговорена на более поздний срок, то это не означает, что право собственности в таких длящихся договорных отношениях теряет свой вещный характер. Во-вторых, в своем определении автор дефиниции указывает только два квалификационных признака вещного права – его абсолютную природу и специфику объекта вещных прав.

Не останавливаясь подробно на вопросе объекта вещного права, где мы являемся сторонником его широкого, философского, понимания в гражданском праве, заметим, однако, что сделанный в определении Д. Малиновским акцент на *материальном* объекте вещного права, невольно заставляет задуматься и о возможном *нематериальном* объекте для такого права, в противном случае, такое упоминание просто излишне и вряд ли может найти иное объяснение.

Следуя далее, попытаемся понять, что, на самом деле, обуславливает абсолютность природы вещного права, в чем ее причина. Безусловно, это господство лица над объектом. Этот признак вещного права и определяет всем известный характер субъективного вещного права, а потому, как кажется, именно он и должен быть положен в основу правового определения вещного права в субъективном смысле. Впрочем, некоторые правоведы считают, что господство над объектом характерно не только вещному праву, но происходит и над объектом обязательственного права – поведением обязанного лица. Поэтому здесь, во избежание в дальнейшем излишней полемики, пожалуй, важно увидеть такую особенность господства в вещном праве над объектом как самодостаточность. Иными словами для реального господства над объектом в вещном праве не надо прибегать к сторонней помощи иных лиц, особенность господства лица над объектом здесь такова, что оно может осуществляться обладателем вещного права самостоятельно. Говорить же о «господстве» лица над поведением другого участника обязательственных правоотношений неуместно, по крайней мере, по нескольким причинам. Во-первых, такое господство вряд ли вписывается в общегражданский принцип равенства всех участников гражданских отношений. Во-вторых, господство над объектом предполагает привязку объекта к лицу, в обязательственных правоотношениях вести речь о привязке поведения одного лица (должника) к двум или более лицам (и к должнику, и к кредиторам) невозможно. К тому же, не следует забывать, что поведение лица, на самом деле, неразрывно с личностью, а следовательно, если допустить мысль о господстве над поведением как над объектом, тогда следует допускать и возможность господства субъекта над субъектом, что, естественно, противоречит исходным установкам гражданского права. На невозможность считать объектом господства поведение человека, не считая объектом господства и самого человека, указывал в свое время и М. Агарков [10, с. 21].

В-третьих, при определении субъективного вещного права для себя важно уяснить, как в гражданском праве надлежит осуществлять защиту господства лица над объектом – только лишь по его праву на господство или, возможно, еще и по факту такого господства. Если вещное право рассматривать только в рамках существующих гражданских правоотношений, как указывает в своем определении Д. Малиновский, то приходим к пониманию того, что в этом случае господство лица над объектом может быть защищено лишь исходя из принадлежащего такому лицу вещного права на объект. В этом случае из-под защиты закона выводится фактическое господство лица над объектом. Иными словами, лицо, не имеющее права на объект, но осуществляющее в силу разных обстоятельств фактическое господство над ним, не сможет через правовые механизмы защитить свое фактическое господство над объектом от возможных посягательств на него со стороны третьих лиц, также не имеющих никаких прав на господство.

Вообще, вся проблематика вещного права касательно соотношения факта и субъективного права в науке гражданского права связана, прежде всего, с институтом владения. Вещь, как отмечал И. Покровский, юридически может принадлежать одному лицу, а фактически находиться во власти другого. Такое фактическое нахождение вещи у другого лица может иметь для себя какое-нибудь юридическое оправдание, но может его и не иметь. Благодаря самым разнообразным причинам, фактическое положение вещей может далеко разойтись с их юридическим распределением [11, с. 212]. Как бы там ни было, но в науке идея возможности защиты владения по факту владения действительно нашла себе много сторонников. По большому счету, возможность осуществления защиты фактического владения предусматривалось как на уровне субъективной (Ф.К. Савиньи), так и на уровне объективной (Р. Иеринг) теорий владения. Другое дело, под каким ракурсом каждая из этих теорий рассматривала возможность осуществления защиты владения как фактического состояния.

Для субъективной теории, где владение–право противопоставлялось владению–факту, защита фактического владения происходила автоматически – как следствие защиты права человека на личную неприкосновенность. Недопустимость насилия над личностью обуславливала возвращение фактического владельца в первоначальное положение по отношению к тому имуществу, на которое права владения он не имел. Для объективной теории, необходимость защиты владения–факта объяснялась ее привязкой к праву собственности. Доказать

факт владения значительно проще, чем само право собственности, поэтому, защищая свое владение имуществом по факту, собственник мог однозначно и более эффективно защитить свое право собственности. Тот, кто намеревается требовать вещь, отмечал Гай, должен рассмотреть, не может ли он получить владение вещью в силу какого-то интердикта, поскольку гораздо удобнее владеть самому и заставить противника нести тяготы истца, чем предъявлять иск о собственности, когда владеет другой [12, с. 37].

Описанная выше проблематика, несомненно, не может остаться без внимания при определении правовой дефиниции вещного права в субъективном смысле. Дефиниция вещного права, по определению, должна включать в себя все возможные с точки зрения права случаи защиты господства лица над объектом. Вместе с тем, не следует забывать о важности размежевания двух сфер – правовой и неправовой. Право не может выходить за пределы своего изначального действия, в противном случае грань между правоотношениями и фактическими отношениями будет размыта. Как следствие, само предназначение права будет нивелировано, возникнут предпосылки для волюнтаризма и произвола под прикрытием права.

Упомянутая проблематика необходимости защиты фактического господства лица от возможных посягательств на объект со стороны третьих лиц, не имеющих на этот объект никаких вещных прав, в гражданском праве может быть разрешена закреплением в нем презумпции наличия вещного права у лица, осуществляющего или осуществлявшего ранее (в случае неправомерного изъятия объекта) фактическое господство над объектом. В этом случае лицо, оспаривавшее такое господство должно будет само доказать наличие у него вещного права на объект, т. е. обосновать законность своих притязаний. Таким образом, если при рассмотрении спора будут выявлены факты, подтверждающие неправомерность осуществления фактического господства, только в этом случае и можно будет ставить вопрос об отсутствии у лица субъективного вещного права. Такой подход обеспечивает добросовестному владельцу объекта гарантированную защиту его статуса без излишней для него правовой волокиты.

Отметим, что в отличие от фактического господства лица над объектом, которое может быть лишь непосредственным, господство лица над объектом согласно субъективному вещному праву на практике может быть непосредственным, и опосредованным. Последнее, к примеру, может иметь место в отношениях между собственником и арендатором. Хотя собственник и имеет применительно к своему объекту правомочия владения и пользования, однако по факту непосредственное господство над объектом осуществляет арендатор в силу предоставленного ему собственником соответствующего вещного права на объект, тогда как сам собственник может осуществлять свое господство над тем же объектом лишь опосредованно. Думается, что такие вариации господства над объектом, не свойственные в полной мере фактическим отношениям, могут быть аккумулированы в дефиниции субъективного вещного права термином – *«правовое господство»*. Применительно к вещам как к объекту вещных прав Г. Дернбург, в частности, отмечал, что в юридическом смысле мы их «имеем», даже если у нас отсутствует фактическое обладание [13, с. 58].

В юридической литературе часто можно встретить трактовку субъективного вещного права как «непосредственное господство над объектом». Полагаем, что буквальное понимание слова «непосредственное», т. е. как фактическое удержание объекта, в упомянутом словосочетании будет ошибочным искажением правовой реальности в сфере действия вещного права. «Непосредственное» в этом контексте следует рассматривать, по нашему мнению, как указание на самостоятельный и самодостаточный характер господства лица над объектом.

Подытоживая, логично сделать следующий вывод. Вещное право в субъективном смысле – *это самостоятельное и самодостаточное правовое господство лица над объектом в порядке и в пределах, установленных законом.*

Введение в правовую дефиницию слов «в порядке и в пределах, установленных законом», обусловлено как объективными, так и субъективными факторами. Объективно, к примеру, каждое вещное право должно осуществляться согласно установленных законом принципам вещного права, в том числе и общеправовому принципу законности. Следует помнить, что субъективное право – это лишь мера дозволенного поведения. С другой стороны, само

законодательство всегда имеет субъективное начало – воспроизводит волю и субъективное мнение законодателя, в частности, в вопросах объекта вещных прав, пределах их осуществления и т. п. Игнорировать эти обстоятельства означало бы идеализировать реальную действительность и саму человеческую природу, способную исказить любую идеальную правовую норму, сделать ее нежизнеспособной. Поэтому невозможно, к сожалению, полностью исключить из правовой практики оперативное реагирование законодателя на текущую ситуацию в виде, скажем, внесения определенных изменений и дополнений в законодательство, установления новых ограничений и т. д.

Литература

1. Гражданское право / Н.Д. Егоров [и др.] ; под ред. А.П. Сергеева, Ю.К. Толстого. – М. : Проспект, 1999. – Ч. 1. – 632 с.
2. Гегель, Г.В.Ф. Философия права / Г.В.Ф. Гегель ; пер. с нем. ; ред. и сост. Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц ; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. – М. : Мысль, 1990. – 526 с.
3. Cohen, M.R., Cohen, F.S. Readings in Jurisprudence and Legal Philosophy / M.R. Cohen, F.S. Cohen. – Washington, D.C. : Beard Books, 2002. – Vol. 1. – 548 p.
4. Васьковский, Е.В. Учебник гражданского права / Е.В. Васьковский. – СПб. : Изд-е Н.К. Мартынова, 1874. – 188 с.
5. Виндшейд, Б. Учебник пандектного права. / Б. Виндшейд ; пер. с нем. ; под ред. С.В. Пахмана. – СПб. : Изд-е А. Гиероглифова и И. Никифорова, 1874. – Т. 1 : Общая часть. – 358 с.
6. Mears, T. Lambert, Ortolan, J.-L.-E. Analysis of M. Ortolan's institutes of Justinian, including the history and generalization of Roman law / T. Lambert Mears, J.-L.-E. Ortolan. – Clark, New Jersey : The Lawbook Exchange, Ltd., 2008. – 445 p.
7. Маркс, К. Формы, предшествующие капиталистическому производству / К. Маркс ; пер. с нем. – М. : Политиздат, 1940. – 52 с.
8. Трубецкой, Е.Н. Энциклопедия права / Е.Н. Трубецкой. – СПб. : Лань, 1998. – 224 с.
9. Малиновский, Д.А. Актуальные проблемы категории субъективного вещного права : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Д.А. Малиновский ; Моск. гос. юрид. акад. – М., 2002. – 149 с.
10. Агарков, М.М. Обязательство по советскому гражданскому праву / М.М. Агарков. – М. : Юриздат, 1940. – 192 с.
11. Покровский, И.А. Основные проблемы гражданского права / И.А. Покровский. – Петроград : Изд-е Юрид. кн. склада «Право», 1917. – 328 с.
12. Вещные права на землю в избранных фрагментах из Дигест Юстиниана / пер. с латин. ; отв. ред. Л.Л. Кофанов. – М. : Статут, 2006. – 724 с.
13. Дернбург, Г. Пандекты. / Г. Дернбург ; пер. с нем. – СПб, 1905. – Т. 2 : Вещное право. – 364 с.

Киевский национальный университет
им. Тараса Шевченко

Поступила в редакцию 13.06.2013